Конечно, нестабильное душевное устройство Канаме не могло выдержать чужой насмешки. Потому Ехидна совсем не удивилась, когда на этот раз ей пришлось восстанавливать не только голову или руку, а вообще всё тело. И не раз. Но ей было не тяжело, зато напряжение собеседника спадало… Или же не совсем — мальчишку даже легонько потряхивало от переполняющих его чувств, он совсем не умел сдерживаться и был открыт, как книга. И всё же даже ведьме жадности стоило проявить осторожность.

— Хорошо, перестань! — С нарочито недовольным и даже слегка испуганным видом окликнула собирающегося превратить её в алый дождь ребёнка Ехидна. — Прости, так уж получилось, странноватая я! Не злись на меня слишком сильно, ладно?

Трудным людям стоило идти навстречу, чтобы конструктивный диалог всё же состоялся. Это была основа. Ведьма жадности весьма часто вела себя снисходительно по отношению к тем, кто был слабее неё, будучи существом в своей природе довольно простым… Не человеком, Ехидна никогда не была человеком, с самого своего рождения являясь ведьмой и носительницей греховного гена жадности, что кардинально отличало её от других ведьм, которые со своими генами греха слились уже после рождения. Однако женщина не могла бы с присущей ей уверенностью сказать, что способна без проблем одолеть этого ребёнка, даже если его Львиное Сердце сейчас не было активно — ведьма ощущала, что эта слишком уж удачная копия Регулуса Корниаса уже остановила время тонкого слоя здешнего воздуха, который касался его одежды и кожи. Тоже своеобразный щит, который она, скорее всего, своими силами никак не пройдёт — обычные атаки в рамках пространства-времени, даже нацеленные именно на их повреждение, не сработают.

В любом случае это ничего не меняло, ей изначально нужен был не конфликт.

— Хорошо. Я дам тебе только один шанс. — Руки паренька всё ещё подрагивали, как и левое веко, но он стал заметно спокойнее, отойдя от края срыва. — Ответь на мой вопрос…

Канаме задумался, в его тоне так и читалась «незаконченность». Ехидна вопросительно приподняла бровь, всё ещё улыбаясь, когда её собеседник тоже весело ухмыльнулся, аж воспрянув от неожиданной идеи:

— Лбом в землю ударься и попроси о прощении ещё раз! — Его улыбка стала шире и гораздо пакостнее, кажется, что он был готов расхохотаться.

Ехидна не совсем понимала, чего этот негодник мог ожидать. Она должна была показать непокорность? Стеснение, злость? Впрочем, он, по-видимому, плохо знал её, если думал, что ведьма жадности действительно разозлится из-за такого пустяка — чего она только для людей не делала… Поила их своей слюной, сама пила их телесные жидкости сотни лет назад, перецеловала, наверное, одну восьмую из всех мужчин встреченных ею за жизнь и делила ложе с десятками королей, аристократов и крестьян в том числе. Всё ради новых знаний и впечатлений, которые и делали этот мир таким любопытным и глубоким, придавали ему смысл и форму. Ведьма жадности склонилась перед гостем в самом унизительном и раболепном поклоне из возможных, действительно коснувшись своим лбом зелёной травы. Годжо Канаме вызвал у неё интерес, как и весь окружающий необъятный мир, а потому ему можно и даже нужно было потакать.

— Прошу, прости меня! — Без фальши и с фантасмагорической для всей ситуации в целом искренностью покорно попросила она о прощении.

На лице златоглазого проявились лёгкие недоумение и разочарование, но всё же

удовлетворения на нём было много больше. Ему явно нравилось смотреть за тем, как эта женщина, которая ещё минуту назад так уничижительно насмехалась над ним, теперь кланялась ему в ноги и молила о прощении. Хотелось раздавить её ещё раз… Но она сделала то, что ей сказали, так что продолжать уничтожать её тело было бы как-то некрасиво. Не по «чести». Не по искажённой справедливости, что обитала в уме и сердце Канаме. Поэтому у него был ещё один формальный повод — если Ехидна не начнёт отвечать на его вопрос в течение десяти секунд, то он сделает то, что хочет.

— Касательно же того…

Уголок губы мальчика раздражённо дёрнулся, когда женщина или и вовсе памятная древность, которая походила на юную девушка, всё же заговорила.

— …Что я здесь делаю и как так получилось, я тебе точного ответа дать не смогу. — Поднимаясь на ноги и отряхивая подол платья, ведьма жадности была весьма задумчива. — Я помню, что открыла свои глаза здесь, в своём сне, а снаружи не было ни святилища, ни привычных мне земель… Самое обидное, что душ моих подружек здесь нет. Только я и вот теперь ты, когда я тебя нашла.

— Ты та самая Ехидна? — Во взгляде Канаме зиял густой скепсис. — Именно Ехидна, не другой человек?

— Хм, не знаю… — Она растерянно пожала плечами, присаживаясь за стул в своей миниатюрной беседке и заполняя свою чашку чаем. — Может, ты присядешь напротив меня? А то ты всё так же стоишь на месте… Это невежливо.

Возможно чаем.

— Да, ты права. — Мимолётно кивнул ребёнок и всё же подступил к беседке, мгновением позже присев, приняв предельно серьёзное, как ему казалось, выражение лица. — Так ты всё-таки Ехидна или нет? Говори честно.

Всё же пугающим Канаме казался только тем, кто хотя бы имел представление о его способностях. На самом деле Ехидну он совсем не пугал, пускай и заставлял относиться к себе чуть серьёзней, чем к любому другому человеку. По-настоящему ужасали и отвращали ведьму жадности только лишь два живых существа, оба из которых были полуэльфами. На фоне одного из этих существ, ведьмы зависти Сателлы, Канаме был… Откровенным слабаком — она бы раздавила его буквально за минуту, и то эта минута была бы обусловлена выбором подходящей способности для игнорирования его Львиного Сердца.

— Можно сказать и так, хотя я не уверена, та ли я самая душа ведьмы жадности, о которой ты говоришь. — На лице девушки появилась хитрая улыбка. — Однако искажаться и принимать в себя абсолютно чужеродную мне силу меня не заставляли.

— Много знаешь. — Прищурившись, констатировал мальчик. — Может, знаешь и то, зачем я здесь? И ты заодно.

— Что интересно, об этом мне ничего неизвестно. — Она подалась вперёд в её взгляде сверкнула безуминка исследователя. — Поэтому я так и заинтригована! Но ты, как я погляжу, желаешь конкретики.

Движением фокусника она взмахнула кистью и в её ладони будто из ниоткуда возникли странного вида песчаные часы. Ничем не примечательные, не украшенные и не богатые… Их

можно было бы назвать самыми обычными, если бы над ними неоновыми буквами не печаталось: «Три мировых бедствия». Канаме сразу же приметил, что именно такие надписи он видел в том пространстве, где его, можно сказать, психологически пытал лжеангел.

— И где ты достала… Эту штуку?

— В один момент я просто увидела её перед собой. Некие три мировых бедствия и отсчёт до них! Я дрожала от восторга, когда увидела это в первый раз. — Девушка ухмыльнулась и в её обсидиановых глазах мелькнуло искреннее блаженство, будто её совсем не смущала странность всего происходящего.

— Ты уже следила за ними. — Констатировал мальчишка, только увидев выражение лица женщины. — Сколько времени осталось примерно?

— Я скажу тебе точно. — Сладко улыбнувшись, с довольством произнесла Ехидна. — Сорок один день, десять часов, одиннадцать минут и тридцать три секунды. Уже тридцать две.

— Пробовала переворачивать их? — Положив руку под подбородок, вопросил паренёк.

— Конечно! — На лице девы снова отразилась оскорблённость. — Песок падает только в одном направлении и не меняет свою траекторию ни при каких обстоятельствах. Часы не разбить, не уничтожить, не испепелить, не заморозить — я уже пробовала, и мне кажется, что лучше больше и не пытаться.

Канаме слушал всё это в пол уха, больше внимания обращая на Ехидну. Он размышлял о том, могла ли она создать подобный предмет и водить прямо сейчас его за нос ради смеха, ну или какой-то относительно неё важной цели. Звучало маловероятно, но всё же… Если даже это действительно часть какого-то там замысла, с которым его сюда отправили, то почему часы достались именно Ехидне? По всем факторам он выглядит здесь намного более уникальной фигурой, чем она, — это, конечно, если она была честна с ним и не лукавила про своё происхождение.

http://tl.rulate.ru/book/96477/3446060